

№ 1
ЯНВАРЬ
1939
ГОД ИЗДАНИЯ
ПЯТНАДЦАТЫЙ

Мурзилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

СКРОМНОСТЬ

(Из речи товарища Сталина на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года.)

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что „великий человек“ обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: „тсс... тише... он идет“. Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших „низов“ человечества.

На обложке:
„НА ЛЫЖАХ“.
Рисунок Е. Астафьевой.

Записал С. Мирер *Рисунок П. Алякринского*

МАЛЬЧИК

Владимир Ильич жил в Горках.

Вот пришел в Горки маленький мальчик из села Ямы. У большого дома стоял человек. Мальчик подошел к нему:

— Дяденька, правда, в этом доме Ленин живет? Как мне хочется на Ленина посмотреть!

— Что ж, — приветливо сказал человек, — смотри! Я и есть Ленин.

Мальчик не поверил, засмеялся:

— Какой же ты Ленин? Ленин в простой рубашке разве пойдет? У него, поди, наряд особенный! Не-е... ты не Ленин...

Человек улыбается:

— Самый я Ленин.

А мальчик не верит. Стали они спорить. Один говорит:

— Я Ленин.

Другой говорит:

— Нет, ты не Ленин! Он важный, а ты простой.

Тут вышла из большого дома женщина и говорит:

— Владимир Ильич, прохладно стало, вы бы в дом зашли.

Владимир Ильич ушел к себе. А мальчик уселся на траву подле дома и не уходит. Через час-полтора женщина снова вышла:

— Ты все сидишь, малыш?

— Сижу.

— Иди домой, уже поздно.

— Нет, я хочу на Ленина посмотреть.

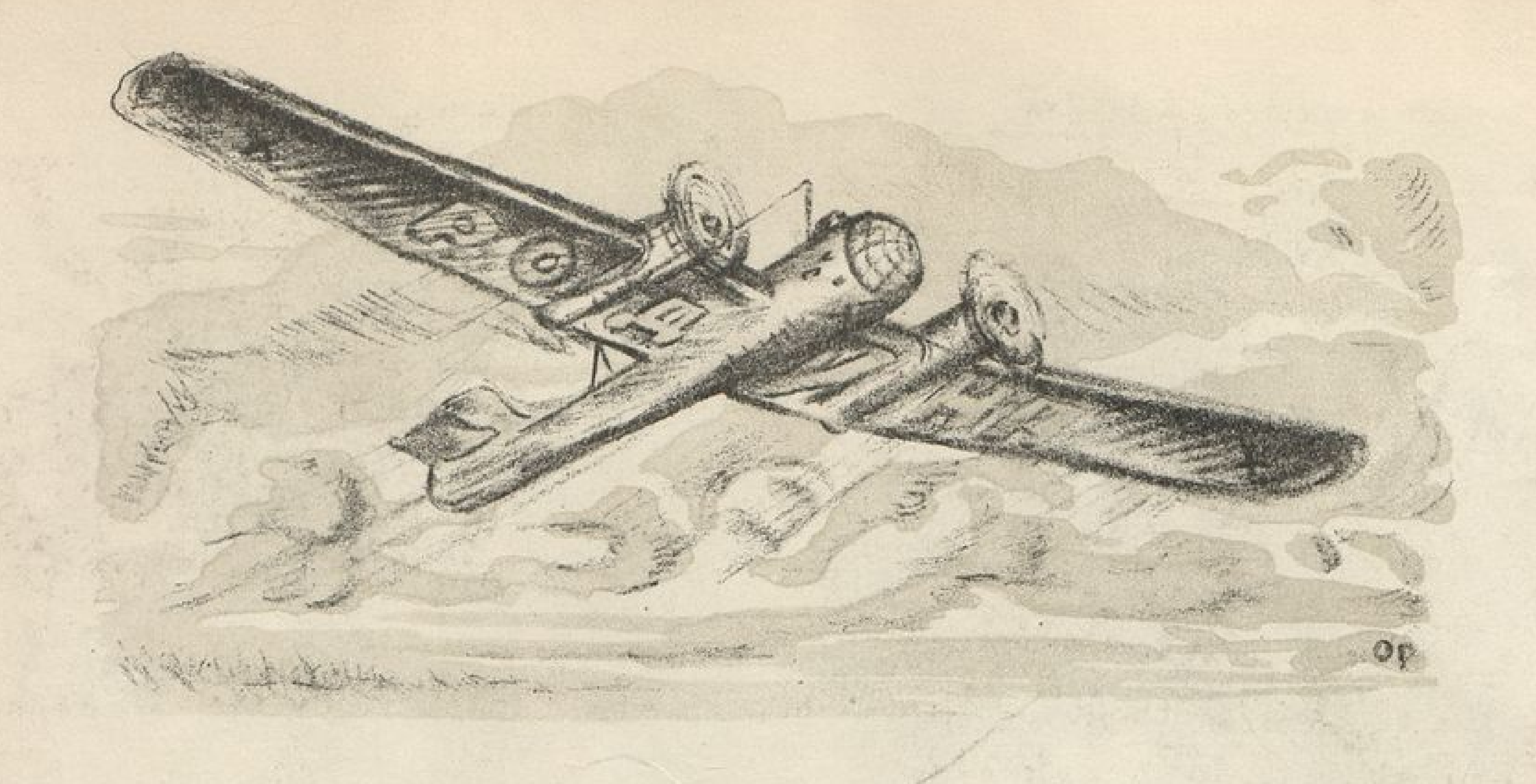
— Ты же видел!

— А я не знал, что это Ленин, и плохо смотрел.

— Иди, уже темно, в другой раз придешь.

Мальчик поднялся и побежал к себе в село Ямы рассказывать, как он Ленина видел.

А Горки теперь называются Ленинские Горки. Там теперь дом отдыха.

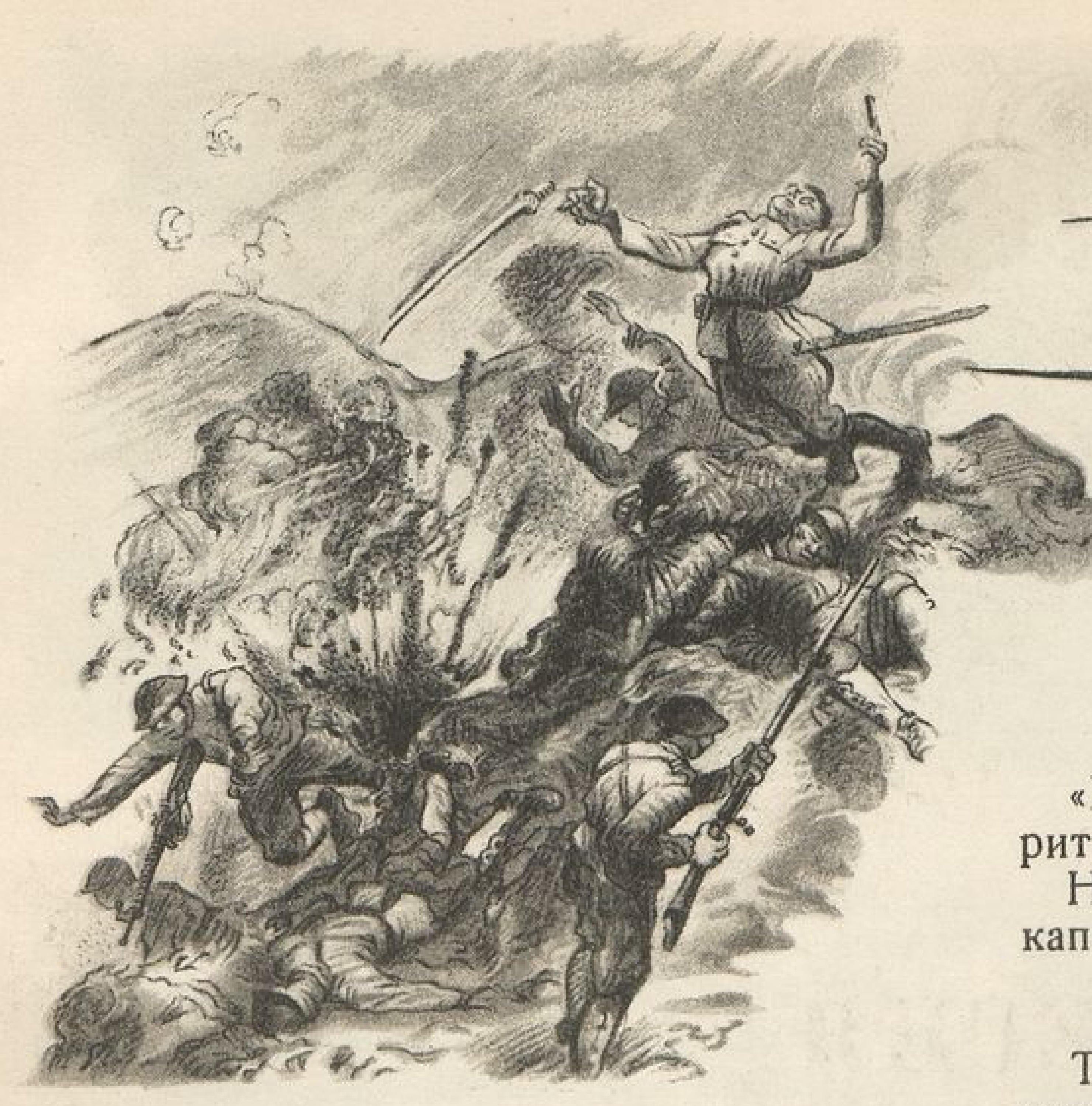

Стихи В. Донниковой *Рисунки О. Розенблатт*

ПЕСНЯ

Я окно сама закрою —
Мама спит, нельзя шуметь.
Маму я платком укрою,
Буду маме песню петь:
— Мама — летчик, мама — птица,
Мама вьюги не боится,
Не боится летом грома —
Мама в небе, словно дома.
В самолет свой быстролет
И меня она возьмет.
Я прижмусь покрепче к маме,
Трону облако руками,
Туче черной погрожу:
„Не пугай меня, — скажу. —
Не зальешь меня дождем:
Я у мамы под крылом.
Позовешь на помощь бурю —
Я тогда глаза зажмурю.
Мы сквозь тучу, снег и град
Прилетим домой назад".
Мама спит. Ей снятся птицы,
Ночь в тайге... костер... медведь...
Ей полет чудесный снится...
— Спи! Я буду песню петь.

Рисунки П. Кирпичева

Очерк В. Ядина

У озера Хасан

Далеко на востоке, у самой границы нашей необъятной родины, находится озеро Хасан. По ту сторону озера, за высокими холмами-сопками, начинается другая земля, другой мир.

Там лежит страна Манчжурия.

Семь лет назад на мирный манчжурский народ напали хищные японские генералы. Они жгли поля, разрушали города, убивали людей.

Генералы и пославшие их хозяева, японские капиталисты, давно мечтали захватить богатейшие земли советского Дальнего Востока.

«Манчжурия граничит с Советским Союзом, — думали они. — Мы завладеем Манчжурией, а оттуда сможем двинуть свои войска на русских».

Но Советский Союз — это не Манчжурия. Силен и могуч наш великий народ. Надежно укреплены наши границы. Их охраняет хорошо вооруженная и отважная Красная армия.

«Хоть видит око, да зуб неймет», говорит мудрая русская пословица.

Никогда не сбудутся мечты японских капиталистов.

* * *

Тихо сейчас на озере Хасан. Мягко шуршат у илистого берега камыши. Еле плещется в камышах сонная вода.

А совсем недавно здесь гремели орудийные залпы, взрывались бомбы, падали люди — шел жестокий, кровавый бой.

Японские генералы решили захватить высоты Заозерную и Безымянную, которые находятся у озера на советской стороне.

Эти высоты понадобились японцам потому, что отсюда удобно обстреливать весь прибрежный район.

Японская армия в двадцать тысяч солдат, с пушками, танками и пулеметами, повела наступление на нашу границу. Но жестоко ошиблись заносчивые генералы. Храбрые полки славной Красной армии вдребезги разбили врага. Японцы с позором были выброшены с советской земли.

В этих боях вся наша армия — красноармейцы, командиры, комиссары вели себя, как настоящие герои, отважные, находчивые, не боящиеся никакой опасности, готовые отдать жизнь, защищая родину.

У самой границы, на высоте Заозерной, гордо реет красное знамя. Оно пробито пулями.

Много примеров героизма, отваги и преданности родине видело в те дни это боевое знамя.

Лейтенант Терешкин вел свою часть в атаку. Противник, не переставая ни на секунду, строчил из пулеметов. Град пуль не давал нашим бойцам подняться с земли.

— За товарища Сталина, вперед! — крикнул лейтенант и бросился на врага.

— Ура! — дружно подхватили бойцы и ринулись за командиром.

Сталин!.. Это любимое имя великого вождя народов укрепляло силу бойцов, делало их бесстрашными.

— За Сталина, за родину! — восклицали красноармейцы и шли в атаку, не боясь ни пуль, ни снарядов, ни японских штыков.

С именем Сталина бросались в бой, с этим именем побеждали.

Вот один обыкновенный случай, каких было немало в те дни.

Наши танки шли в наступление. За ними двигалась пехота. Японцы страшным ураганным огнем своих тяжелых орудий обстреливали машины, пытаясь их задержать. Но советские войска наступали не останавливаясь.

Вдруг в один танк ударил снаряд. Водитель машины выпустил из рук рычаги управления и упал. Его убило осколком снаряда.

«Как быть?..» на секунду задумался командир танка, старший лейтенант Сироченко.

Он испытующе взглянул на бойцов Извекова и Курасова.

«Двигаться дальше во что бы то ни стало, итти в бой!» прочитал он в глазах бойцов.

«Иного решения от этих храбрых людей я и не мог ждать», подумал Сироченко и отдал приказ продолжать путь.

Грохоча, танк двинулся вперед, в атаку.

Орудийные выстрелы все учащались. Громче становились разрывы снарядов. Неожиданно совсем рядом раздался оглушительный взрыв, что-то подбросило танк. Он качнулся и стал. Это в машину попал второй снаряд.

Командир танка Сироченко ощутил вдруг, как по лицу его, заливая глаза, потекло что-то липкое, теплое. Он дотронулся рукой. Кровь! Его ранило в лицо. Силы покидали командира.

Он сделал последнее усилие и громко скомандовал:

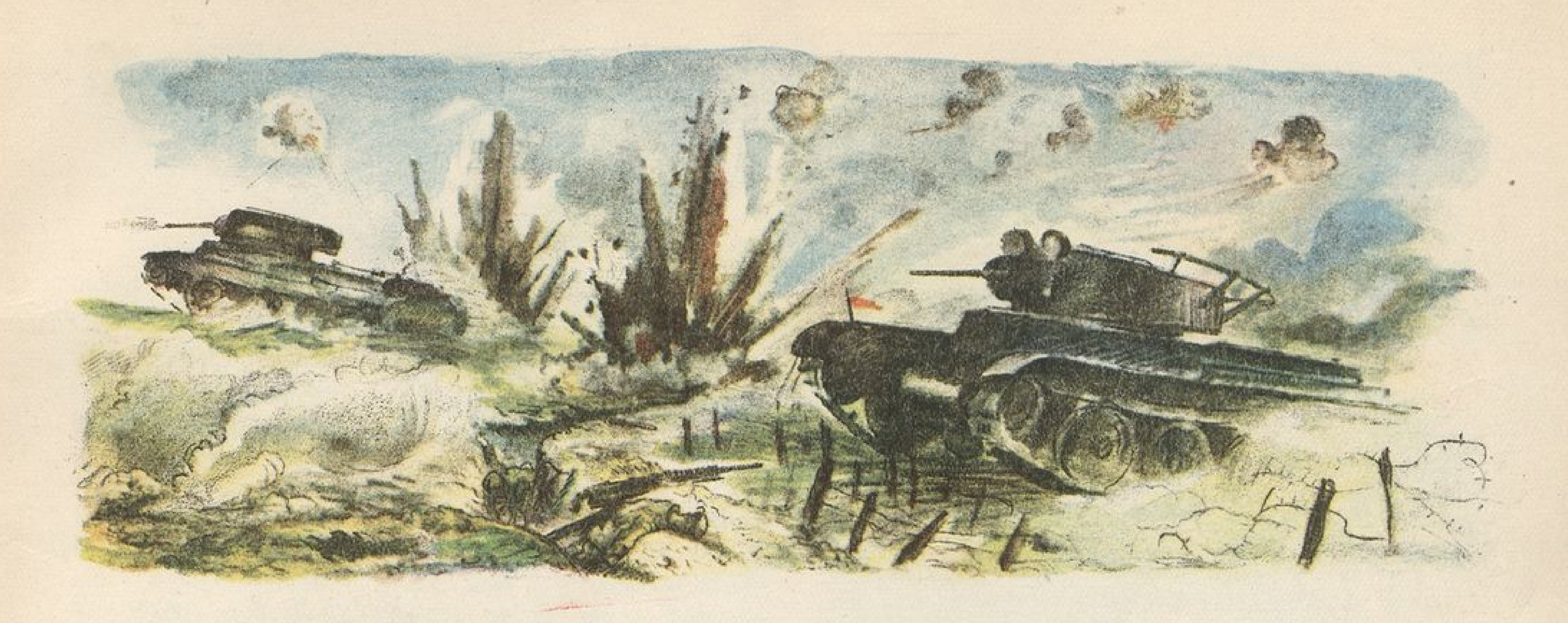
— Из танка! — и без чувств повалился на пол.

Молча нагнулись красноармейцы к раненому командиру и бережно вынесли его из машины.

Изувеченный снарядами танк горел. Но на нем оставался еще исправный пулемет и диски с патронами.

«Они не должны пропасть», решил боец Извеков и, не раздумывая, полез в пылавшую машину. Через несколько минут он вернулся с пулеметом и дисками.

Бойцы Красной армии не такие люди, чтобы сдаваться после первого удара. «Пусть подбит и горит танк, пусть ранен командир, но пока мы живы, пока есть оружие в наших руках, мы не вый-

дем из боя, не перестанем сражаться». Так решили храбрецы.

Под непрекращающимся орудийным и пулеметным огнем они выбрали место, замаскировались зеленью, легли у пулемета и стали обстреливать японские цепи.

Рядом с ними был и командир.

Вскоре после обморока он очнулся, с помощью бойцов перевязал себе лицо и теперь лежал на земле, сжимая в руках автоматический пистолет, зорко следя за каждым движением врага.

Далеко в траве блеснуло стекло специального прицела японского снайпера — сверхметкого стрелка.

Японец навел винтовку на Сироченко и уже торжествовал победу. Но раненый командир прицелился, негромко прозвучал выстрел из пистолета, и подстреленный японец уронил винтовку.

Так, ни на минуту не выходя из боя, сражалась отважная тройка. Над головами бойцов свистели пули, с грохотом рвались снаряды, но любящие родину люди бесстрашно делали свое дело.

А мимо них все шли и шли, наступая на врага, могучие советские танки...

Но что это?

Сироченко насторожился. Он увидел, что к одному танку ползут японцы. В руках у них были бутылки с горючим веществом.

— Они хотят бросить горючее в машину и зажечь ее. Мы должны помешать им! — шопотом приказал командир. — Понятно?

— Понятно, — так же тихо ответили бойцы.

Японцы подползали все ближе и ближе к танку. Вот они начали подниматься, вот уже подняли бутылки...

— Внимание!.. — еле слышно приказал Сироченко и прицелился.

Но красноармейцы и так уже не сводили глаз с японцев.

— Огонь!

Командир спустил курок. В тот же миг заработал пулемет Извекова.

Японцы упали. Никто из них не поднялся: они были убиты.

Победно продолжали свой путь наши танки. А в небе, наполняя воздух грохотом моторов, грозной тучей шли советские самолеты, шли бомбардировщики, штурмовики, истребители; заслоняя солнце, двигалась на врага несметная сила могучей советской авиации.

Спасаясь от неминуемой гибели, убежали с нашей родной земли разбитые японские генералы. Кончились бои.

Тихо сейчас на озере Хасан. Сонно плещется в камышах вода. Но зорко смотрят на своих боевых постах славные советские пограничники. И победно развевается на высоте Заозерной пробитое пулями боевое красное знамя.

Оно как бы предупреждает врагов:

«Откуда бы вы ни пришли и сколько бы вас ни было, вы никогда не застанете нас врасплох. Верный своей родине, великий советский народ разобьет и уничтожит вас!»

Стихи М. Клоковой *Рисунки В. Тарасовой*

Спит Бориска

Весь в сугробах белый двор.
Льется свет из ярких окон.
Ходит по двору Трезор,
Караулит дом высокий.

Весь Трезорка как в пуху,
Уши белые — как рожки.
В темном доме наверху
Слабо светится окошко.

Дует ветер, сыплет снегом,
Ветер зимний, ветер резкий.
Потихоньку месяц с неба
Заглянул за занавеску.

За окном, в постельке низкой,
Под пушистым одеяльцем
Дремлет маленький Бориска,
Крепко сжав руками зайца.

Вот часы пробили час.
Задремал бы заяц тоже,
Да своих стеклянных глаз
Он никак закрыть не может.

Знаешь ли ты?

НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ

Мы привыкли к тому, что каждый город имеет свое название. А вы думали, ребята, над тем, откуда пошли эти названия, почему один город называется Смоленск, другой — Киев, третий — Тула и т. д.?

* * *

Смоленск существует уже больше тысячи лет. Свое имя он получил вот откуда. Встарину единственным средством сообщения были реки. По рекам, на лодках, перевозили товары из одного конца страны в другой. Через всю Русь пролегал длинный торговый речной путь, который назывался „из Варяг в Греки". Он связывал Варяжское или, по-теперешнему, Балтийское море с Русским морем, то есть с Черным.

Не все реки на этом пути были соединены между собой. Через полоски земли, лежащие между реками, лодки проходили во́локом, то есть их волочили, тащили по земле. От этого они портились. Их приходилось чинить, прежде чем снова спускать на воду. Главным пунктом для починки больших лодок был город, расположенный на реке Днепре, недалеко от речки Ловати. Здесь суда конопатили, красили и смолили. Вокруг города росли большие хвойные леса, в которых добывали смолу. С тех пор город получил название „Смоленск".

* * *

На среднем течении Днепра, на высоком берегу реки (а высокий берег обычно правый), стоит красивый город, утопающий в зелени. Этот город — сверстник Смоленска, ему тоже больше тысячи лет. Существует предание, что три брата — Кий, Щек и Хорив — с сестрой Лыбедью основали здесь небольшой поселок. Поселок постепенно стал разрастаться, и жители его в честь старшего из братьев, пришедших на это место, назвали город Киевом, а одну из близлежащих рек — Лыбедью, в честь их сестры.

Сейчас Киев — столица Украинской Советской Социалистической Республики, один из крупнейших городов Советского Союза.

* * *

В четырех часах езды от Москвы, по дороге на юг, находится город Тула, тоже очень древний, такой древний, что никто даже не знает, когда он был основан. Зато известно, откуда он получил свое название. Через Тулу протекают две реки — Упа и Тулица. Река Тулица протекала встарину по дремучим лесам, окружавшим город сплошной стеной. Река как бы пряталась, тулилась в непроходимой лесной чаще. Речку за это прозвали Тулицей, а по имени речки и город — Тулой.

* * *

Ребята! Каждый из вас живет в городе или в селе. Постарайтесь узнать у старших, откуда и почему ваш город или село получило то или иное название, и напишите об этом нам. Самые интересные рассказы мы напечатаем в журнале.

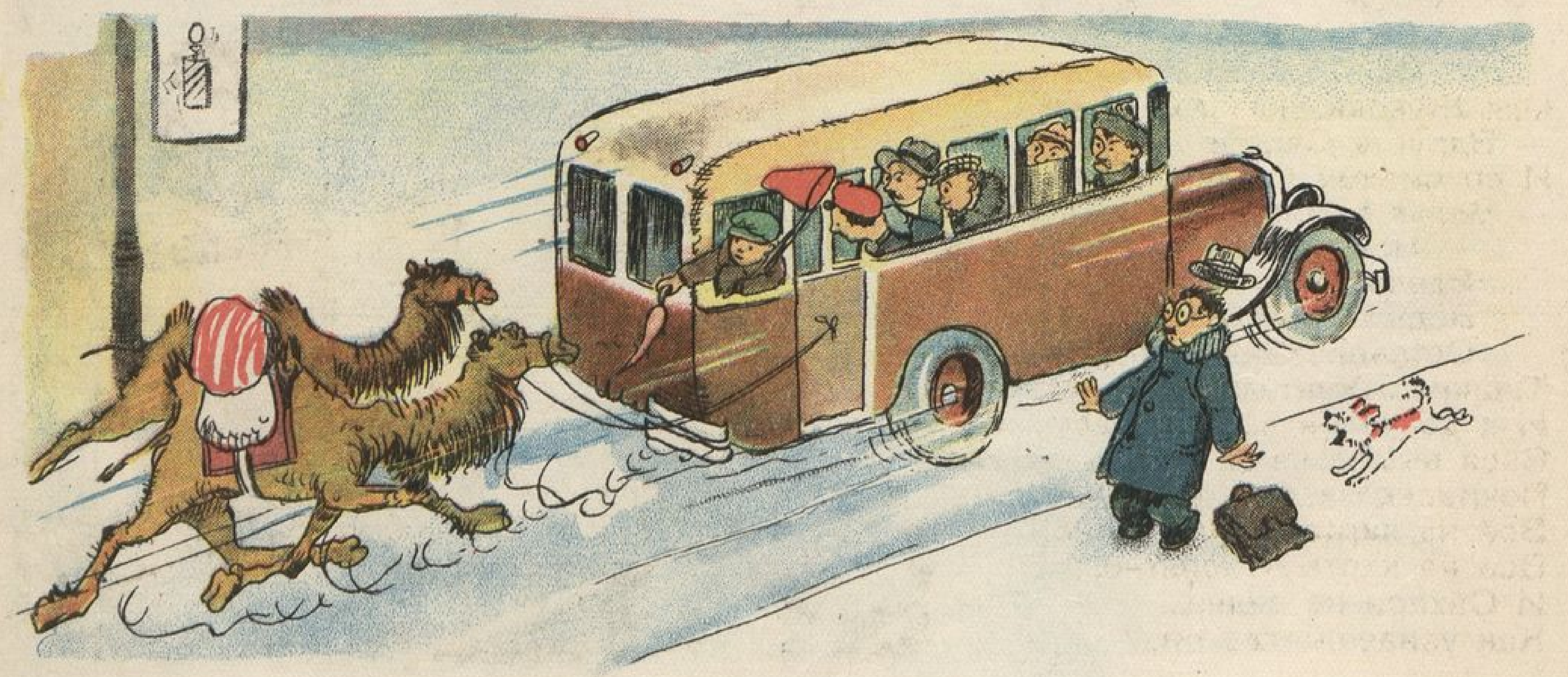
Вася-путешеств

Стихи Н. Найденовой

Есть парнишка в нашем классе,
А зовут парнишку Вася.
Васе в школе не сидится,
Вася ленится учиться.
Он считает, что наука —
Это скука, это мука!
То забросит он тетрадки
И стреляет из рогатки,
То он занят важным делом:
Он на парте пишет мелом.
Географии урок
Вася выучить не мог.
Говорит ребятам Вася:
— Для чего сижу я в классе?
Нам ведь задали Сахару,
Что мне тратить время даром?
У меня, ребята, дядя —
Главный сторож в зоосаде.
Я урок учить не буду,
Лучше я возьму верблюда,
А быть может — даже пару,
И отправлюсь я в Сахару!

Тут ребята загалдели:
— Ты в Сахару, в самом деле?
Ну, а как же ты поедешь?
Как Сахару ты найдешь?
Вдруг туда ты не доедешь,
По дороге пропадешь?
— Это я-то пропаду?
Я Сахару не найду?!
Я возьму с собою глобус,
И усядусь я в автобус,
А верблюдов на веревке
К ручке двери привяжу.
„Называйте остановки, —
Я кондуктору скажу. —
Объявите, где вокзал,
Чтобы я не прозевал".
Пересяду на экспресс.
Он поедет через лес,
Через реки и озера,
Через села, через горы...
Я в багаж верблюдов сдам,
А в купе поеду сам.

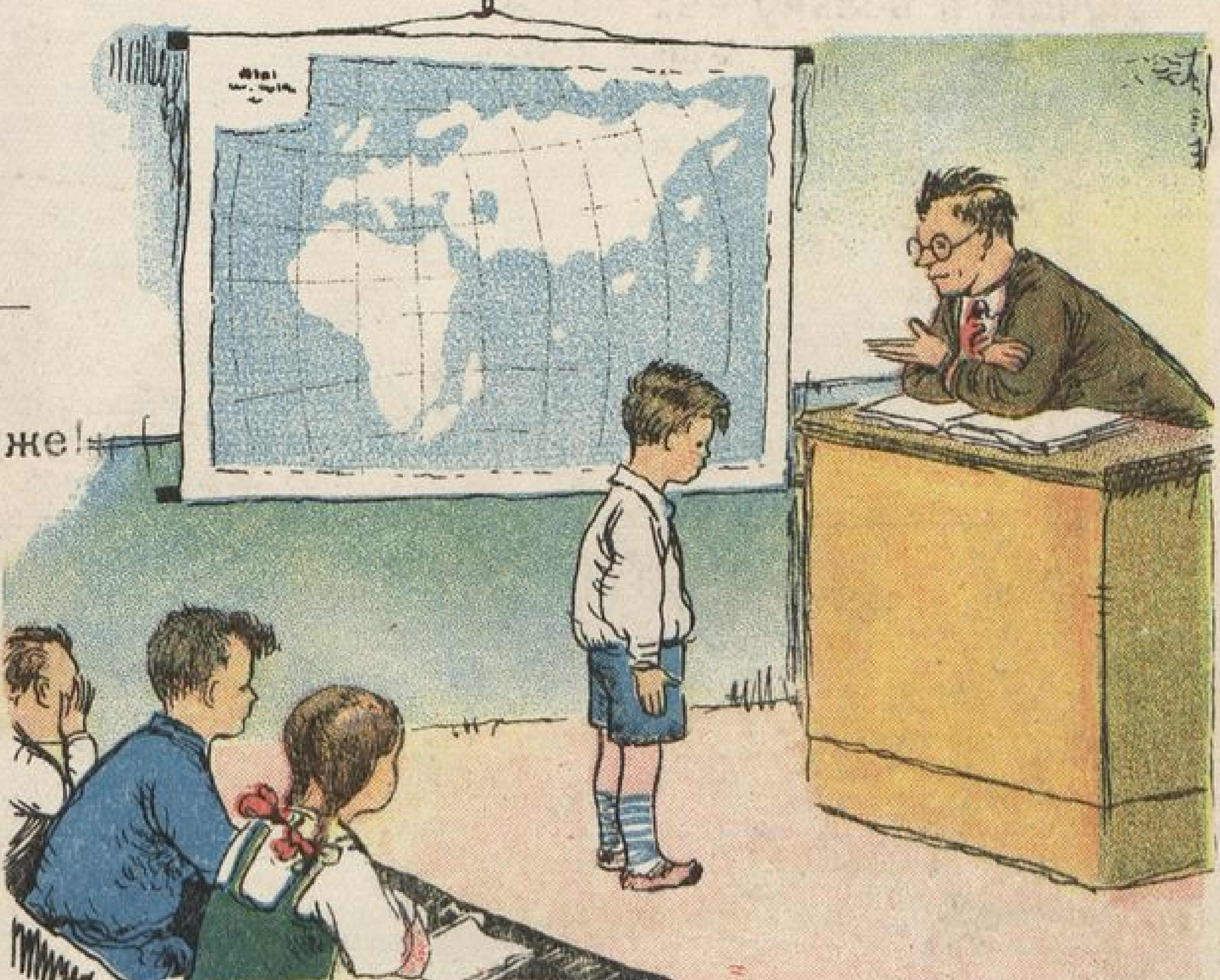
Рисунки М. Храпковского

Я свой глобус дам соседям
И спрошу их: „Где мы едем?"
А верблюдам из окна
Будет родина видна.
Только встанут на песок,
Побегут, не чуя ног...
Там уж я спокоен буду:
Там знакомо всё верблюдам.

Закричали хором в классе:
— Сам в Сахару едет Вася!
Что ему сидеть за партой,
Для чего ему знать карту?
Путешествовать нетрудно,
Если взять с собой верблюда,
Если в поезде соседи
Скажут Васе, где он едет!

Дружный смех раздался в классе,
Не смеется только Вася.

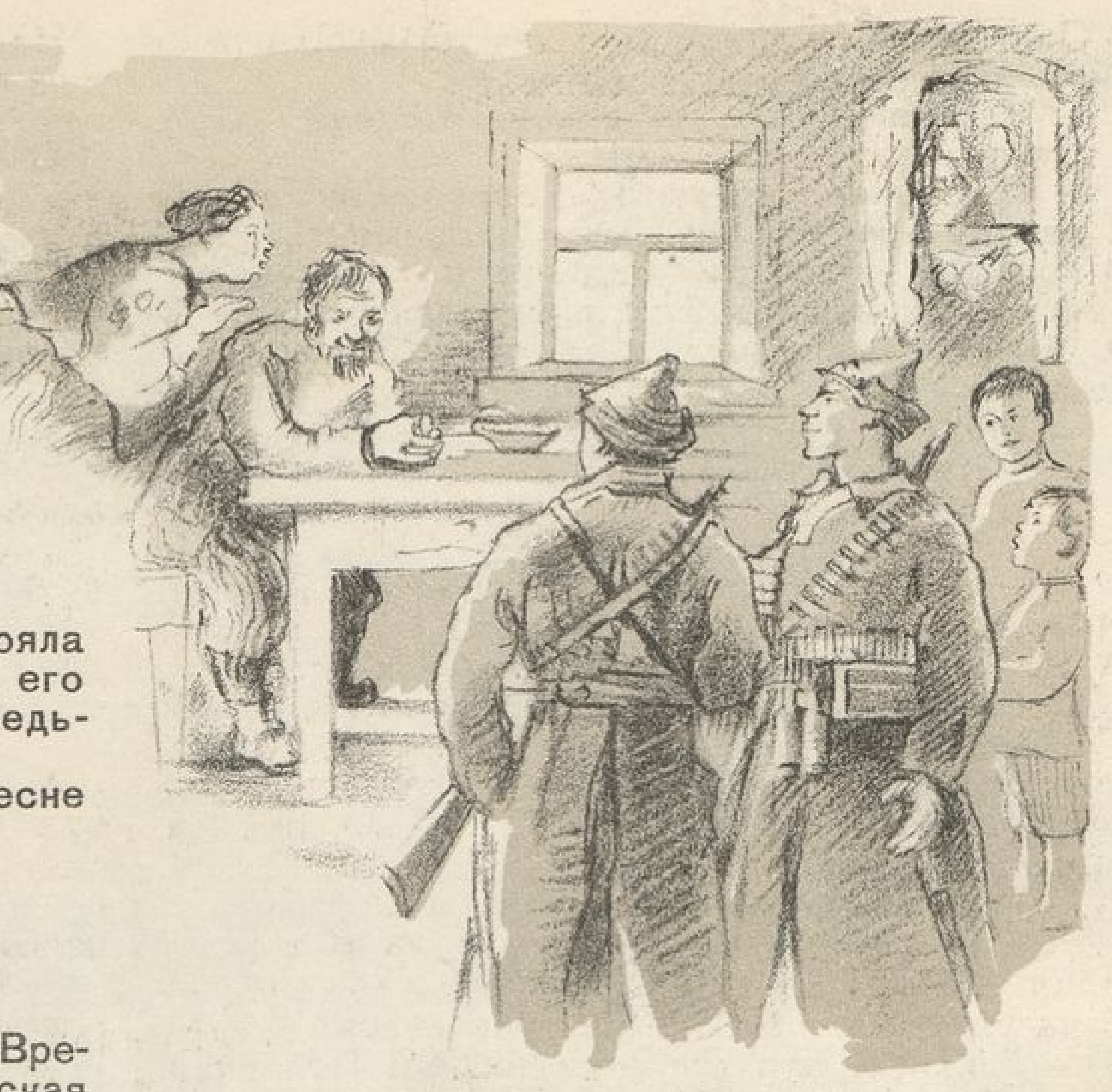

Оля Жукова сказала:
— Вдруг в Сахаре нет вокзала?—
И со смехом крикнул Сима:
— Вдруг промчится поезд мимо?
— Нет вокзала? Ну, так что же!
Здесь легко помочь беде:
Ведь по требованью может
Остановка быть везде. —
Тишина... Учитель в классе,
И к доске он вызвал Васю.
Вася вышел из-за парты,
Покраснел и стал у карты.
Всё на карте только пятна,
Всё на карте непонятно,
И Сахара не видна...
Как узнаешь, где она?

ДОМ

Рассказ Я. Тайца

Рисунки В. Кизевальтер

За околицей, на отлете, одиноко стояла изба. В ней жил старик Аким, жена его Акулина и ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка.

Жили ни бедно, ни богато, как в песне поется:

Он ни беден, ни богат,
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.

Правда, кашу ели не масленую — пустую. Время тогда стояло голодное, шла гражданская война, красные воевали с белыми.

Вот красные заняли это село. А командир у них — известный герой Котовский.

Богатые мужики плохо встретили красных. Зато бедные — очень хорошо. А не богатые, не бедные — ни плохо, ни хорошо.

Так же и Аким. Ребята его побежали на улицу, а он остался дома, притаился, смотрит в щелочку.

Запыленные, усталые шли котовцы. Впереди на сером жеребчике ехал сам Котовский — высокий, прямой, статный.

Аким вздохнул:

— Серьезный у них командир, чистый генерал! Гляди, Акулина, бабы им хлеба выносят... Спиридониха шматок сала несет... От дурная!

— Беда! — отозвалась Акулина. — Поляки были — свинью порешили, петлюровцы были — коня увели, теперь красные пришли... А у нас, кроме дома, и взять-то нечего!

Аким с тревогой оглянулся. И хоть в хате было темно, он ясно видел все свое, привычное: вот он — сундук, вот она — дубовая кровать, вот они — семь подушек, мал мала меньше...

Он очень боялся за свой дом. Правда, это был не то чтобы дом, а правильней сказать — изба. И даже не изба, а просто избушка. Но Акиму она казалась самым красивым домом на свете. Ведь он сам ее в молодые годы срубил — по бревнышку, по колышку.

В дверь постучали.

— Они! Легки на помине, — зашептала Акулина. — Не пускай их, Акимушко, не пускай!

Но дверь уже отворилась, и в хату ввалились ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка. И еще соседские: Петька, Мотя, Луша...

Это бы всё ничего. Но вместе с ребятами вошли два котовца — в высоких шлемах, в потрепанных шинелях, с винтовками, шашками, гранатами.

— Сюда идите, красные армейцы, сюда, не бойтесь! — шумели ребята. — Сымайте ружья, сымайте шашки.

Котовцы улыбнулись Акиму:

— Славный домик у тебя, товарищ!

Акиму очень понравилось это слово „товарищ", но он боялся: они войдут, сядут, а то и лягут, сомнут подушки, угощения потребуют. И, вместо того чтобы сказать: „Да что вы стоите? Заходите!", он стал врать:

— Какой там славный! Крыша насквозь сопрела, во все щели ветер бьет.

Акулина запричитала:

— Немцы были — всё жито до зерна обчистили, петлюровцы были — коня увели, поляки были...

Котовец снял шлем, вытер лицо, перебил:

— Всё село привечает нас, а в этом славном доме, значит, элемент особый. Видать, с поляками сладко-сахарно жилось!

Аким покосился на жену.

— От и сладко ж! Хряка закололи, жену мою сапогами в живот пхали! — Он разозлился: — Мой элемент такой, что места для чужого дяди у меня нема, хоть он красный, хоть зеленый, хоть семицветный-полосатый!

Соседские ребята засуетились:

— К нам идите, красные армейцы, к нам близко!

Котовец надел шлем:

— Пойдем, Петров! А тебе, хозяин, спасибо за ласку!

Они, хлопнув дверью, ушли. В избе стало тихо. Вдруг Кирюшка заплакал:

— Батька плохой, почему не пустил?

Старик разорался:

— Цыц! Меня не учить! Голова — як казан, а разуму — ни ложки! Цыцьте! Элемент!..

Три дня отдыхали котовцы в селе, и все три дня Акимовы ребята пропадали у соседей. А Кирюшка прибежал раз вечером веселый, важный:

— Ребята, ребята, а я с кем говорил!

— С кем?

— С Котовским!

— Ври!

— Чтоб я лопнул! Он у Спиридонихи стоит. Я туда пошел, и вдруг — он! С коня слазит. А я не побоялся. Стою, смотрю. А он говорит: „Котовцем хочешь быть?" Я говорю: „Хочу!" Он меня тогда взял да на своего коня посадил. Во! А слез-то я сам. А он говорит: „В-вырастешь — помни Кк-котовского!" Он, ребята, трошки заикается.

— Правда! Он! Он!

Ребята с завистью смотрели на Кирюшку. А он достал из-за пазухи какую-то фляжку с заграничными буквами и похвалился:

— Глядите, что я в лесу нашел! Поляцкая, верно!

Фляжка пахла спиртным.

Тут подошел Аким, повел носом:

— Что у вас?

— Нема ничего!

Кирюшка незаметно сунул находку в печь.

Легли спать. Среди ночи Акулина вскочила:

— Ой, ратуйте, ратуйте!

Она растолкала спящих. Горящий спирт из фляжки залил все вокруг. Спасать добро было поздно. Сухой сосновый домик пылал, как спичка. Пришлось всем, захватив одежонку, прыгать в окно. Сотни огненных языков жадно и вкусно лизали стены, крышу...

Вот рухнули стропила, взметнулись искры, посыпались на Акима — старик не шевельнулся, будто каменный. Акулина выла:

— Ой, лихо нам! Ой, ратуйте!

Сбежался народ. Акулину утешали. А Кирюшка хоть бы что! Ему пожар понравился. Хоть бы каждый день такие! И вдруг он увидел маленького полкового трубача и — Котовского.

Кирюшка побежал к ним гордый:

— Это у нас пожар, у нас!

Но командир не узнал Кирюшку. Он обернулся к трубачу:

— Дай тревогу!

Сигналист поднял трубу. Пронзительные звуки покрыли всё: треск пожара, шум толпы, плач Акулины...

И сразу же сбежались котовцы. И сразу же они привычно, молча, строились колоннами повзводно. Старшины негромко командовали:

— Становись! Равняйсь! Смирно!

Изба догорала. Над лесом встало другое зарево — занимался день. Комбриг прошелся вдоль рядов:

— Тт-товарищи бойцы, командиры и политработники! Кк-короче говоря, если мы все, всем квартирующим здесь полком, возьмемся за работу, то мы, я думаю, поставим к вечеру пп-погоревшему селянину новый дом! А?

— Надо! — зашумели бойцы.

Аким с подпаленной бородой лежал на земле. Котовский, отмахиваясь от едкого дыма, подошел к нему:

— Товарищ, можешь показать на бумаге, какая твоя изба была?

— Была? — Аким поднял голову, бессмысленно посмотрел на Котовского. — На бумаге не могу. Я так скажу! — Он вскочил. — Здесь были сенцы... туточки — крылечко... ось так — чистая по... половина... — Он заплакал и стал бородой вытирать глаза. — Я ж сам его срубил... по бревнышку...

Котовский поднялся на бугор:

— По-олк, слушай мою команду! Вечером выступаем! А сейчас — за работу! Топоры и пилы — у командира саперного взвода. Гвозди получите в обозе. Там же — пакля. Разойдись!

Аким не понимал, что такое творится. Один взвод расчищал пожарище, другие ушли в лес. Там в утренней тишине застучали топоры, за-

пели пилы. Часто, одна за другой, валились высокие сосны. Бойцы быстро обрубали ветки, сдирали кору и на полковых лошадях везли стволы к деревне. Здесь их подхватывали сотни рук и укладывали по всем правилам плотницкого искусства.

Комбриг, обтесывая жирный бок смолистого бревна, спрашивал у Акима:

— Так, что ли, старик? Окно-то здесь было, что ли?

Старик, разинув рот, остолбенело смотрел на то, как с каждой минутой, точно в сказке, вырастает большой новый дом. К обеду уже поднялись высокие — от семнадцати стволов — стены. Одни котовцы ушли к полковым кухням, пришли другие, стали класть поперечные балки, стелить крышу, заделывать венцы... В стороне визжала пила-одноручка — там мастерились двери, оконные рамы, наличники...

Винтовки пирамидками ждали на лугу. Котовский поторапливал:

— Б-быстрей, товарищи! Дд-дружней, товарищи!

К вечеру дом был готов. Народ повалил туда. Аким медленно поднялся по новым ступенькам. Они сладко скрипели. Он потрогал стены: может, он волшебный, этот в один день поставленный дом, и вот-вот развалится?

Но дом стоял твердо, как все порядочные дома. Пускай окна без стекол, пол некрашеный, меблировки — никакой, — это все дело наживное.

На лугу заиграла труба. Бойцы стряхивали с себя стружки, опилки, разбирали винтовки, строились. Аким и Акулина выскочили из нового дома, побежали вдоль строя вперед, к командиру.

Котовский уже сидел на серой своей лошадке. Полк ждал его команды.

— Батюшка, родный мой, ласковый! — заплакала Акулина.

Она обняла и стала целовать запыленный сапог командира.

Котовский сердито звякнул шпорой, отодвинулся:

— Что делаешь, г-гражданка?!

Он погладил ее по растрепанной седой голове и протянул руку Акиму:

— Живите! Когда-нибудь получше поставим... из мрамора... с колоннами... А пока...

Котовский привстал в стременах, обернулся:

— По-олк, слушай мою команду! Шагом...

Застучали копыта, загремели тачанки, заиграли голосистые баяны головного взвода, запевалы подхватили:

Пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
Поляки отступали —
Мы двигались вперед!

И котовцы ушли гнать поляков, воевать за вольную Советскую Украину.

А дом... дом, конечно, остался. Он и сейчас там стоит — за околицей, на отлете, среди лугов и полей колхоза имени Котовского. Так что, выходит, не один Кирюшка — все в деревне стали котовцами. Впрочем, какой он вам Кирюшка! Он теперь Кирилл Акимыч, председатель колхоза.

Перевод А. Колтыниной и О. Галаниной

Рисунки А. Лаптева

О медведе Винни-Пу и пчелах

Английская сказка

Медвежонок Винни-Пу спускается по лестнице вслед за Христофором Робином.

Стук, стук, стук... — ударяется он головой о ступени. Винни-Пу очень неудобно. Ему кажется, что можно было бы сойти вниз как-нибудь по-другому. И если бы ему дали минуточку подумать, он, наверное, сообразил бы, как это сделать. Но Христофор Робин не останавливается.

Вот они уже вошли в комнату, и ты можешь познакомиться с ними: это мой маленький приятель, мальчик Христофор Робин, и его игрушечный медведь по прозвищу Винни-Пу.

Иногда Христофор Робин просит меня поиграть с ним, а иногда он любит посидеть совсем смирно и послушать сказку.

— Не будешь ли ты так добр рассказать сказочку для Винни-Пу? — попросил сегодня Христофор Робин.

— Попробую,— ответил я. — А какие же сказки он любит?

— Он очень любит слушать о себе самом.

— Вот как! Ну, хорошо.

Кроме Винни-Пу, у Христофора Робина есть еще другие игрушечные звери: кролик, поросенок и ослик. Но медведь Винни-Пу — его любимец.

— А про меня что же? — пропищал вдруг поросенок Пиглет, выглядывая из кармана Христофора Робина.

— Мой милый поросеночек, расскажу и про тебя.

— Но если будет сказка и про Пиглета, — сказал Христофор Робин, — то кролик, ослик, сова и все остальные обидятся.

— Придется рассказать обо всех, — ответил я и начал.

***

Медведь Винни-Пу, которого друзья часто называли просто Пу, жил в лесу, у корня большого дерева. Однажды во время прогулки он вышел на лужайку, посреди которой рос высокий дуб. С верхушки дуба раздавалось громкое жужжание.

Винни-Пу прислушался. Он уселся под дубом, охватил голову обеими лапами и крепко задумался.

«Если слышно жужжание, значит есть кто-нибудь, кто жужжит. А кому жужжать, как не пчелам? — размышлял он. — Пчелы (это-то я уж хорошо знаю!) живут только

для того, чтобы делать мед. А мед они делают только потому, что *я* люблю его».

Тут Винни-Пу встал и начал карабкаться на дерево. Он лез все выше и выше, выше и выше и пел себе под нос любимую песенку. Винни-Пу почти добрался уже до улья.

Крак! — затрещал вдруг под ним сучок.

— Ой-ой, помогите! — закричал Винни-Пу и, перекувырнувшись три раза в воздухе, с размаху упал в колючий кустарник.

«Это все случилось оттого, что уж очень я люблю мед», сказал самому себе Пу. Он выбрался из кустарника, вынул колючки из носа и стал думать, как ему дальше быть. Винни-Пу вспомнил про своего друга Христофора Робина, который жил в домике с зеленой дверью в другой части леса. Он решил отправиться к нему за помощью.

— С добрым утром, Христофор Робин! — сказал Винни-Пу, подходя к домику.

— С добрым утром, Винни-Пу.

— Нет ли у тебя воздушного шара?

— А зачем тебе воздушный шар? — спросил Христофор Робин.

Винни-Пу оглянулся, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, приложил лапу ко рту и сказал шопотом:

— Мед!

— Но разве достают мед на воздушных шарах?

— *Я* достаю, — важно ответил Винни-Пу.

Как раз накануне Христофор Робин был на празднике у своего друга поросенка Пиглета, и Пиглет подарил ему два воздушных шара: синий и зеленый.

— Который тебе нужен? — спросил Христофор Робин.

— Если у меня будет зеленый шар, — рассуждал Пу, — пчелы примут меня за дерево и не заметят. Если у меня будет синий шар, они могут принять меня за кусочек неба и тоже не заметить. Значит, надо решить, какой шар выбрать: похожий на дерево или на небо?

— Но разве они не увидят *тебя* под шаром? — удивился Христофор Робин.

— Может быть, увидят, а может быть, и нет, — сказал Винни-Пу. — Я постараюсь выглядеть как маленькая черная тучка на синем небе.

— Тогда возьми лучше синий шар, — сказал Христофор Робин.

И вопрос был решен.

Винни-Пу взял воздушный шар, а Христофор Робин захватил на всякий случай еще ружье, и они отправились.

Чтобы стать похожим на тучку, Винни-Пу выкупался по дороге в грязной-прегрязной луже и сделался совершенно черным.

Придя на лужайку к дубу, Христофор Робин и Винни-Пу принялись надувать шар. Они так сильно раздули его, что шар стал большим-большим, и его можно было удержать только вдвоем. Когда Христофор Робин отпустил веревку, шар поднялся вверх вместе с Винни-Пу и остановился недалеко от улья.

— Ур-ра! — закричал Христофор Робин.

— Похож ли я на маленькую черную тучку? — крикнул Винни-Пу.

— Н-не очень... Пожалуй, ты больше похож на медведя, который держится за воздушный шар, — ответил Христофор Робин.

Ветра не было, шар стоял неподвижно, и Винни-Пу не приближался к дереву. Он слышал запах меда, но не мог достать его.

Пчелы между тем начали кружиться около Винни-Пу и его воздушного шара. Они громко и сердито жужжали, подозревая что-то недоброе.

Так прошло некоторое время.

— Христофор Робин, нет ли у тебя дома зонтика? — спросил вдруг Винни-Пу.

— Конечно, есть!

— Знаешь что: принеси его сюда. Ты откроешь зонтик, будешь гулять и говорить: «Ай-ай-ай, кажется, собирается дождик!» Тогда пчелы поверят, что я тучка, будут бояться меня, и мне будет легче добраться до меда.

«Ах ты, глупый медведь!» усмехнулся Христофор Робин про себя, но вслух ничего не сказал, потому что очень любил Винни-Пу. Он пошел домой и вернулся с зонтиком.

— Теперь, — сказал Пу, — ходи и говори: «Ай-ай-ай, собирается дождик!» А я попробую спеть песенку тучки.

Пока Винни-Пу пел, пчелы продолжали жужжать и кружиться. Одна из них присела на секундочку ему на нос, больно укусила его и сейчас же улетела.

— Ой, Христофор Робин! — громко закричала тучка, она же Винни-Пу.

— Что случилось?

— Это ужасно! Противные пчелы! Они, должно быть, делают никуда не годный мед. Ты не думаешь?

— Н-не знаю... — сказал Христофор Робин.

— А я совершенно в этом уверен и поэтому хочу спуститься вниз.

— Как же ты это сделаешь?

Винни-Пу подумал и сказал:

— Христофор Робин, ты должен выстрелить в шар из ружья.

— Хорошо, — ответил он. — Но если я выстрелю, то шар-то ведь разорвется.

— А если ты не выстрелишь и мне придется отпустить веревку, то я упаду и расшибусь.

Тогда Христофор Робин, хоть и жалко ему было шар, решил стрелять. Он прицелился и спустил курок.

— Ой! — крикнул Винни-Пу.

— Я промахнулся? — спросил Христофор Робин.

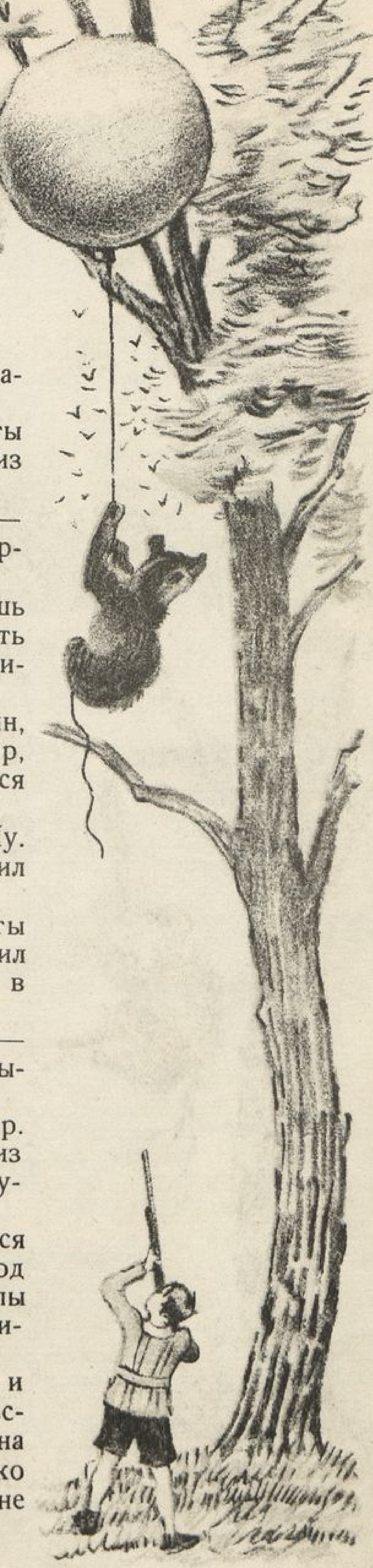
— Нельзя сказать, чтобы ты *совсем* промахнулся, — ответил Винни-Пу, — но ты попал не в шар, а в меня.

— Прости, пожалуйста, — сказал Христофор Робин и выстрелил снова.

На этот раз он попал в шар. Воздух медленно вышел из шара, и Винни-Пу плавно спустился на землю.

Но он так долго держался за веревочку, когда висел под шаром в воздухе, что лапы его совсем онемели и не двигались.

Целую неделю он так и ходил с поднятыми лапами. Если мухи садились Винни-Пу на нос, ему оставалось только сдувать их, иначе он никак не мог их отогнать.

САМОЛЕТ „РОДИНА" НАЙДЕН

Рисунок Коли Костина, 9 лет. Воронежская область.

САМОЛЕТ

Я смотрю, как в небе
Самолет летит,
И сверкает крыльями,
И звездой блестит.
А когда я вырасту,
Стану я большой,
Тоже буду летчицей
Реять над страной.

Зира Антонюк, 11 лет. Ленинград.

КАК Я БЕРЕГУ СВОИ ТЕТРАДИ

Нехорошо, когда у школьника грязные тетради и учебники. Чтобы они не пачкались, я обернула домашние тетради в газету, а для классных тетрадей и учебников я сделала мешочки, похожие на конверты. Об этом я написала заметку в стенгазету. Ребята нашего класса последовали моему примеру. Теперь тетради и учебники у всех чистые, и писать ребята стараются без помарок.

Тамара Василенко, 11 лет. Кабардино-Балкарская АССР.

*Пионер Медведовский, ученик 127-й школы г. Киева, задержал врага-диверсанта. За этот геройский поступок его премировали поездкой на родину товарища Сталина — в город Гори.

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

*Пионеры 325-й школы имени Дзержинского (Москва) готовятся стать храбрыми и надежными защитниками своей родины. Они учатся стрелять, оказывать первую помощь, изучают приемы противовоздушной обороны. За хорошую оборонную работу они получили в награду знамя, присланное испанскими пионерами из города Барселоны.

*В хоровом кружке 13-й школы Пролетарского района г. Орехова-Зуева занимаются двести пятнадцать ребят. Хор разучил песни: „Москва", „Полюшко-поле", „Если завтра война" и „Пионерскую песню".

*Октябрята 4-й школы г. Загорска вылепили из пластелина модель знаменитого самолета „Родина", на котором три отважные летчицы совершили героический перелет Москва — Дальний Восток.

Ребята учатся лепке в специальном кружке.

*Чудесный город „Пионерск" выстроили юные строители Центрального дома пионеров и октябрят (Москва). Этот город умещается в одной большой комнате. В нем есть жилые дома, театр, гостиница, больница, вокзалы, стадион, электростанция. На центральной площади стоит памятник Павлику Морозову. Всё это построено руками пионеров.

Хозяйством строительства заведывал самый младший его участник — Вася Паялин, ученик 4-го класса. Вася отлично справлялся со своей большой и ответственной работой.

ЗИМА
Рисунок Леки Пемзанд, 6 лет, г. Куйбышев.

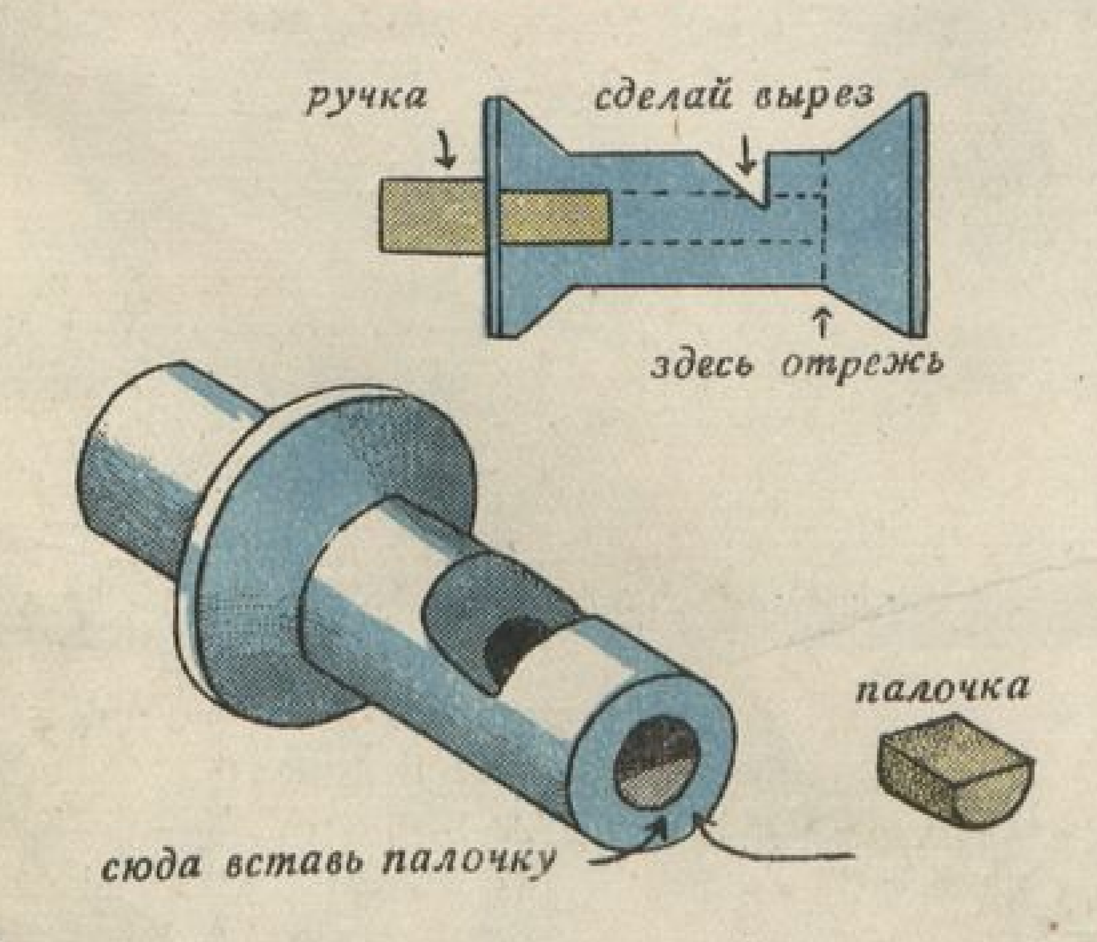
Игры забавы

ВОТ ТАК ЗВЕРЬ!

Ребята нарисовали зверя и говорят Лене:
— Угадай, какого мы зверя нарисовали!
Леня ответил:
— Такого зверя на свете нет.
А Галя не утерпела и подсказала:
— А мы этого зверя из разных частей семи животных и одной птицы составили. Скажи, из каких?
Но Леня так и не угадал.
Может быть, ты угадаешь?

СВИСТОК

Посредине катушки сделай ножом вырез. Затем отрежь одну сторону катушки и в отверстие вставь круглую палочку, срезав ее немного сверху. С другой стороны катушки можешь приделать ручку.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Всю ночь шел снег. Утром дворники сгребли его в кучи. Вася вышел погулять, а приятель его Алеша говорит:
— Вася, я новую игру придумал.
— Какую? — спрашивает Вася.
— Давай по очереди ходить между кучами так, чтобы вокруг каждой кучи обойти, по два раза по одному проходу не итти и пути своего нигде не пересекать.
Долго они играли, но никто из них не выиграл. Может быть, вы будете сообразительнее?
Начертите палкой на снегу квадраты и отправляйтесь в этот путь.

ЗАГАДКИ

Два серебряных коня
По воде везут меня.

Все от холода сжимаются,
Я один лишь разбухаю.

Без рук и без карандаша
Нарисованы леса.

Что за мастер за такой
Без рук сделал мост большой?

Ребята! Ответы на загадки найдете в этих рисунках.

Стихи Ив. Пруткова

МУРЗИЛКА-ПИАНИСТ

Рисунки Н. Радлова

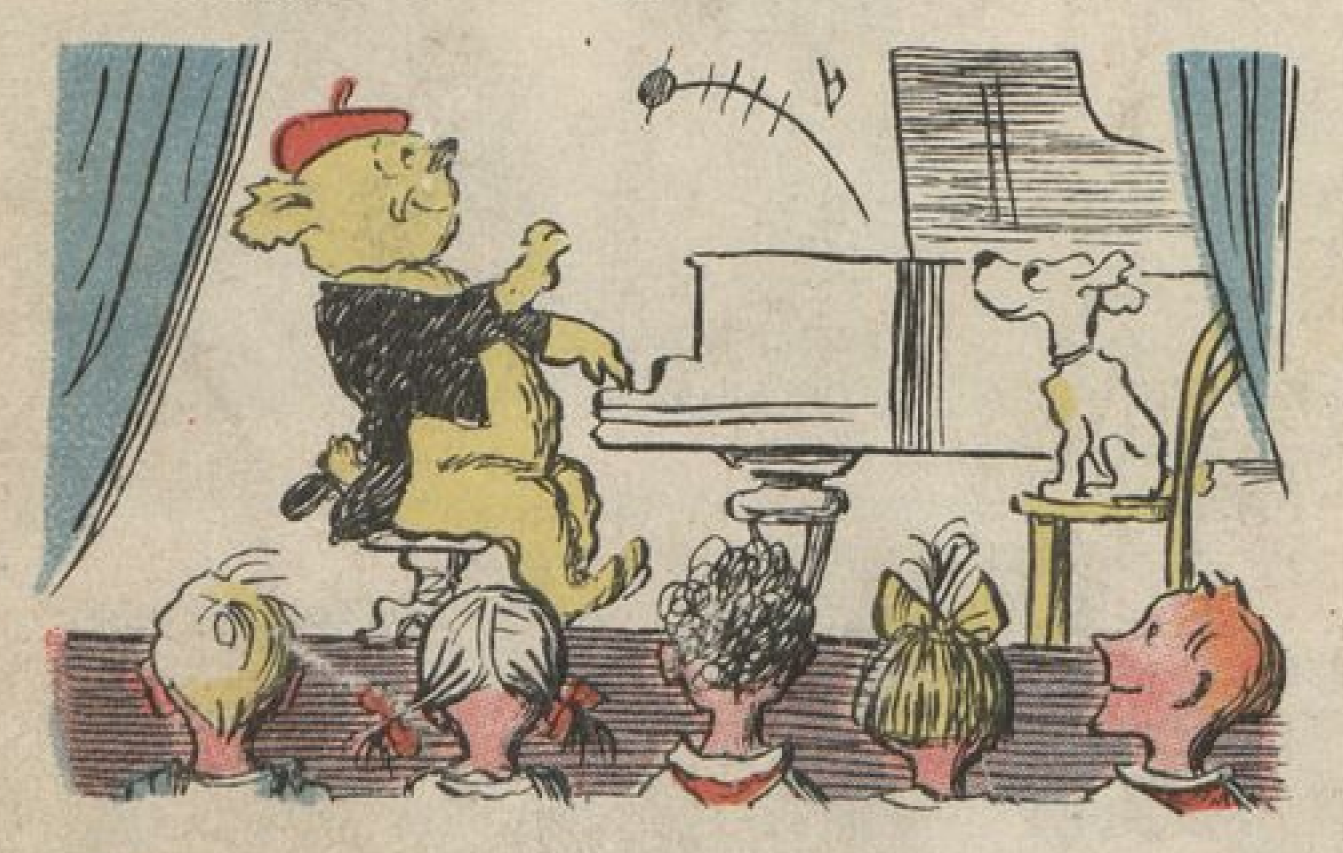
Цена 75 коп.

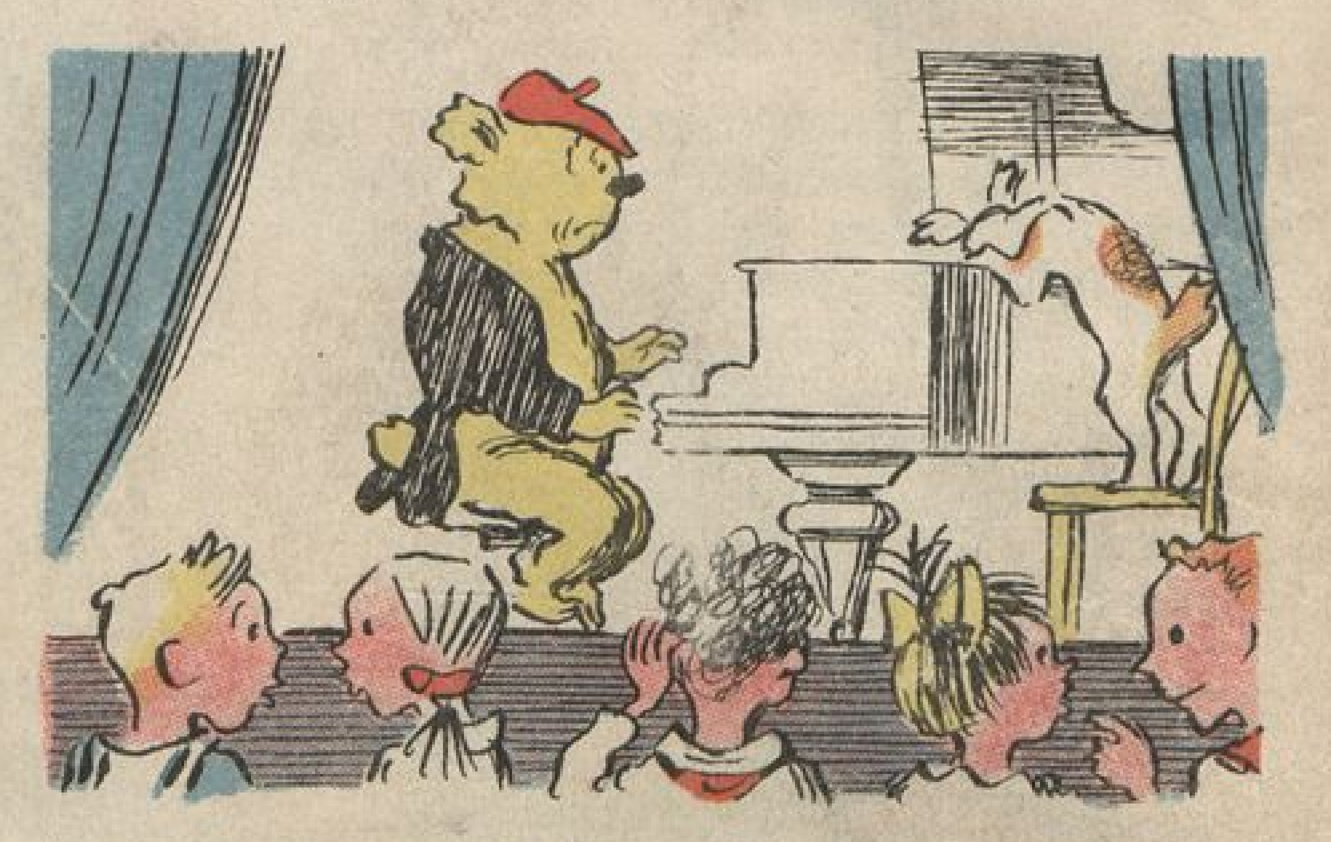
1. Увидев чудный инструмент,
Мурзилка наш в один момент
Решил: „Я дам концерт ребятам,
Надиво всем лауреатам!“

2. Афишу написал малыш
Не хуже всех других афиш.
Читайте — и Шопен и Лист там!
Когда же стал он пианистом?

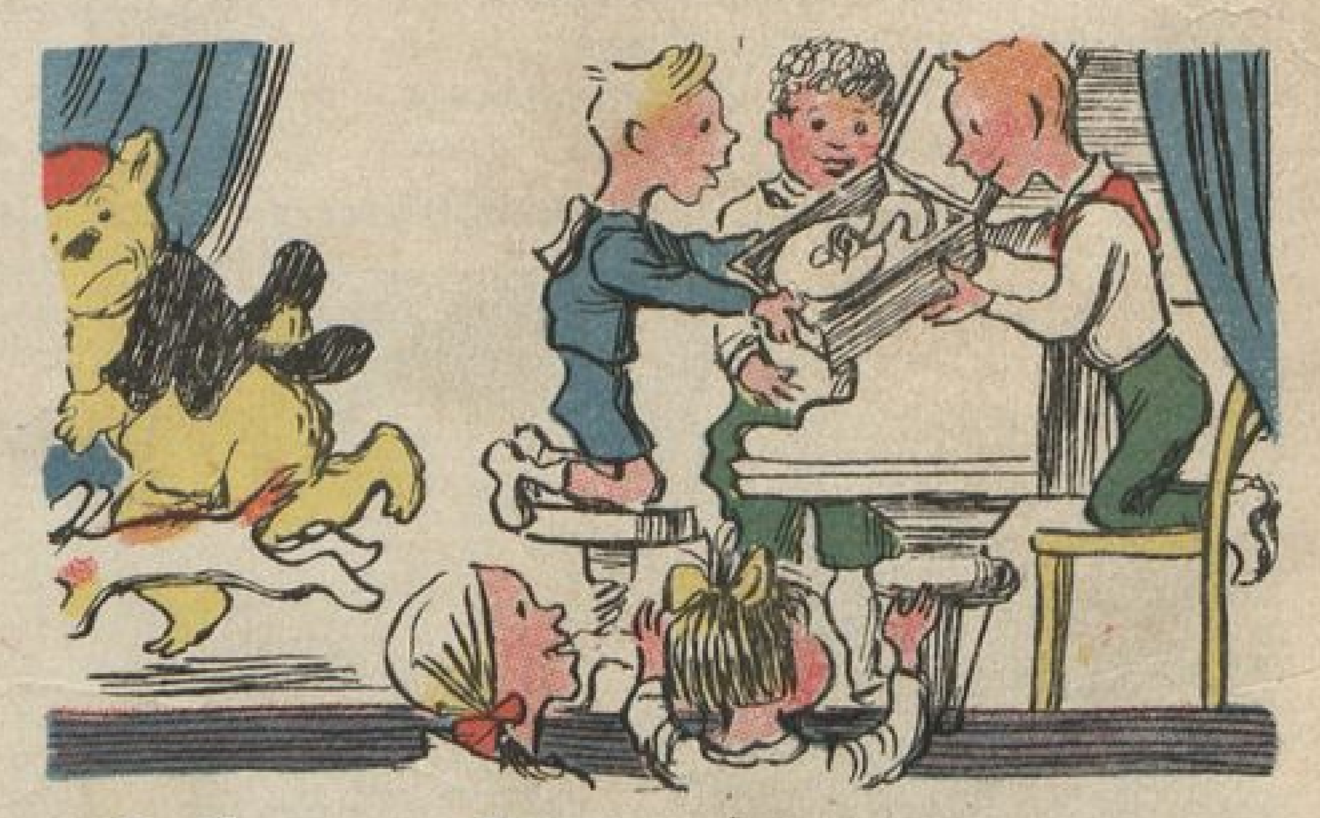
3. Весь класс, дыханье затаив,
Чудесный слушает мотив.
Звенят, журчат и льются звуки,
Мурзилкины мелькают руки.

4. — Вот молодец! Ура-ура!
Какая чу́дная игра! —
Но вдруг... Ах, что ж такое вышло?
Игры Мурзилкиной не слышно.

5. Он зря руками шевелит —
Рояль умолк, рояль молчит...
Совсем хозяина сконфузив,
Несет в зубах пластинки Тузик.

6. И вмиг ребята увидали,
Что́ было спрятано в рояле.
Во лжи Мурзилка уличен:
Играл не он, а патефон!

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес редакции: Москва, Чертельский пер., 4. Тел. К4-97-22.

Ответственный редактор **А. Н. Дунина.** Художеств. редактор **В. Житенев.**
Корректоры **З. Молодык и А. Сапелкина.**
Сдано в набор 16/XI 1938 г. Подписано к печати 15/XII 1938 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93×120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита Б-56386. Заказ № 1420. Детиздат № 2109. Тираж 250.000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.